УДК 811.161.2’27 + 811.161.1’27

И. В. Кузнецова[1], А. В. Савченко[2], М. С. Хмелевский[3]

КИЕВСКИЙ СУРЖИК КАК ФЕНОМЕН УКРАИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ КОМЕДИИ М. П. СТАРИЦКОГО «ЗА ДВУМЯ ЗАЙЦАМИ»)

[1]*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия*

[2]*Национальный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Китайская Народная Республика*

[3]*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. В статье анализируется суржик (в его киевском варианте) как уникальный феномен, характерный для украинской языковой ситуации, имеющий многовековую историю. На фоне краткого обзора сосуществования различных языковых кодов в Центральной и Юго-Восточной Украине особое внимание уделяется рассмотрению и лингвистическому описанию наиболее характерных черт, свойственных суржику. В качестве иллюстративных примеров для анализа данного явления взято прецедентное для украинской и русской культуры произведение украинского писателя М. П. Старицкого – комедия «За двумя зайцами», где речь героев изобилует примерами русско-украинского языкового смешения. В статье также рассматриваются проблемы межъязыковой конвергенции близкородственных языков и влияния одного языка на другой на фонетическом, морфологическом, лексическом и стилистическом уровнях, что обусловлено не столько лингвистическими, сколько экстралингвистическими причинами (в первую очередь статусом и степенью престижности того или иного языкового кода).

Ключевые слова: *украинский язык, русский язык, суржик, русско-украинский билингвизм, языковой код, языковая интерференция, межславянская омонимия.*

© Кузнецова И. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С., 2018

Кузнецова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и методики начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия; e-mail: irinak47@yandex.ru

Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, приглашенный преподаватель кафедры славянских языков и литератур Национального университета Чжэнчжи, г. Тайбэй, Китайская Народная Республика; e-mail: savchenko75@mail.ru

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Статья поступила в редакцию 22.02.2018

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018 «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине»)

Актуальность исследуемой проблемы. В современном славянском мире специфика языковой ситуации в Центральной и Юго-Восточной Украине заключается в сосуществовании украинского и русского языков в различной степени проявления. Так, нередко в языковом портрете одного говорящего (определяющего себя по этническому признаку как украинец) в рамках почти повсеместного русско-украинского билингвизма мы отмечаем факты языкового переключения в зависимости от различных экстралингвистических и социальных ситуаций: преимущественно бытовое общение – русский язык; официально-деловая, национально-репрезентативная, образовательно-просветительская сферы, государственное делопроизводство, СМИ – украинский язык. Более того, в крупных городах Центральной и Юго-Восточной Украины – Киеве, Харькове, Днепре (бывший Днепропетровск), Запорожье, Кропивницком (бывший Кировоград), Одессе, Херсоне, Виннице – можно наблюдать берущий свое начало в глубоком прошлом процесс утраты, в силу различных исторических и социолингвистических причин, значительным количеством украинцев своего этнического языка – так называемый языковой сдвиг в пользу русского языка (при пассивном владении в той или иной степени литературным украинским языком) [3, с. 29].

Материал и методика исследований. Языковая интерференция интересует многих ученых [16]. Теоретической базой для описания рассматриваемого явления русско-украинского языкового смешения на Украине послужили научные изыскания российских [2], [15] и украинских [3], [4], [5], [6], [12], [13], [14] исследователей. Языковой ситуации в других славянских странах (в России, Чехии и Болгарии) посвящена монография Г. П. Нещименко [7], в которой предлагается концепция описания языковой ситуации этнического языка – коммуникативная, существенно отличающаяся от используемых в современной социолингвистике концепций [7, с. 8]. Эта концепция явилась образцом для описания современной украинской языковой ситуации, однако (ввиду специфики последней) была в значительной степени дополнена личными наблюдениями за языком жителей Украины в ходе наших полевых исследований в течение последних 10 лет, результаты которых были изложены в ряде научных публикаций, посвященных схожей тематике [17], [18]. Эмпирический материал для данного конкретного исследования был взят, во-первых, из имеющихся у нас записей живой речи украинцев, картографированных с учетом их региональных различий, которые были сделаны в ходе научных экспедиций на Юго-Восточную и Центральную Украину и более полно отразились в публикациях, посвященных описанию и анализу украинской разговорной речи и украинского просторечия [8], [9]. Во-вторых, для настоящей работы методом сплошной выборки был собран материал из произведения М. П. Старицкого [11], которое является прецедентным в смысле отражения живой речи жителей Киева конца XIX – начала XX в. Именно в этом временном отрезке следует искать истоки и причины современной языковой ситуации Киева, киевского суржика и, более того, результатов процесса языкового сдвига, происходившего на протяжении всего XX в. у жителей крупных городов Центральной и Юго-Восточной Украины, в пользу русского языка. Для анализа собранного вышеуказанным способом материала задействованы такие лингвистические методы, как синхронно-описательный, идеографический и контекстный. Разработка идеографической классификации предполагает индуктивный метод: от фактического материала к его систематизации.

Результаты исследований и их обсуждение. Социолингвистический подход, ориентированный на сбор и анализ образцов живой разговорной речи украинцев, представляется наиболее продуктивным при описании современной языковой ситуации на Украине, которая начала складываться еще в XIX в. [2], [15], [17]. Подходы к описанию данной проблемы, применяемые в современной украинистике, за редким исключением, не дают реального представления о действительной языковой ситуации в силу пуристических представлений большинства украинских лингвистов об идеальном моноязычии титульной нации. Объективную картину трудно получить и в результате социологических исследований, поскольку этнический украинец по тем же причинам при опросах или анкетировании будет пользоваться устоявшимися в современной языковой политике штампами о необходимости использования государственного языка во всех сферах жизни, тогда как в действительности, в бытовом общении он будет пользоваться русским языком или украинско-русской смесью – суржиком. С учетом вышесказанного, наш подход, основанный на наблюдениях за непринужденной живой речью украинцев, а также на анализе задокументированных в художественной литературе примеров украинского просторечия, является наиболее продуктивным при установлении объективного факта сосуществования в условиях двуязычия нескольких языковых кодов в языковом портрете украинца (русский язык – суржик – украинский язык), а также факта их переключений в зависимости от экстралингвистических причин [9], [18]. Именно такой анализ может дать наиболее адекватное представление о явлении украинско-русской конвергенции, а также роли и функций русского языка в городском просторечии жителей центральных и юго-восточных регионов Украины, результаты которого представлены в настоящей статье.

Языковая ситуация в центральных и юго-восточных регионах Украины дополнительно осложняется широко представленным явлением языкового смешения и, как следствие, неразличением в сознании жителей преимущественно Верхнего и Среднего Поднепровья (Черниговская, Киевская, Черкасская, Полтавская и Днепрская области) двух близкородственных языков – русского и украинского (так называемый субъязык – суржик) [2, с. 6]. Дефиниция *суржик*, пожалуй, не имеет аналогов в лингвистической практике, вместе с тем не существует и единого мнения относительно его природы. Словарь украинского языка фиксирует у данной лексемы два значения: «1. Смесь зерна пшеницы и жита, жита и ячменя, ячменя и овса и т. п., мука из такой смеси; 2. Перен., разг. Элементы двух или нескольких языков, искусственно соединенных, без соблюдения норм литературного языка; нечистый язык» [10, с. 854] (в качестве аналога можно провести параллель с аналогичным явлением в белорусском языке: *трасянка* – смешение русского и белорусского языков [18, с. 221]).

Украинский лингвист М. Стриха трактует суржик как промежуточный субъязык, который играет роль переходного этапа в ассимилятивном процессе вытеснения украинского языка русским [12, с. 637]. Это некая гибридная смесь двух восточнославянских языков, возникшая в результате продолжительного контактного двуязычия, а также вследствие русско-украинской конвергенции, когда у говорящего, пользующегося суржиком, фактически стираются представления о норме обоих языков, нивелируется граница между ними, в результате чего человек становится носителем одного языкового кода – суржика, при этом не владея активно на должном уровне литературными русским или украинским языками. Более того, данный языковой код носитель суржика восприни-

мает как свой: *наш язик* (здесь фонетическая передача, где *и* – характерный для фонетики литературного украинского языка, средний между русскими *ы* и *и* звук переднего ряда верхне-среднего подъема), *наша мова*, *говорить по-нашому* или *українська мова, український язик,* который фактически не является литературным украинским, а также *полтавська мова, полтавський язик*, тогда как литературный русский и украинский языки – как чужие, уничижительно называя первый *московська мова, московський акцент, московський язик*, а второй – *западэнский язик, западеньска / бандеровська мова* и даже *польский язик* [17, с. 82].

В действительности суржик разнороден по своему внутреннему языковому составу. По своей сути большая часть грамматики, неполнозначные части речи, синтаксические и интонационные конструкции, фонетика – из украинского, тогда как полнозначная частотная лексика, по происхождению – русская, «немотивированно загрязняется заимствованными» [18, с. 226]. Это своеобразное «хаотичное заполнение разрушенных звеньев структуры украинского языка элементами поверхностно усвоенного русского» [6, с. 54]. Приведем примеры из картотеки материалов, собранных нами на Украине в ходе полевых исследований и научных экспедиций: *привіт, як діла* вместо *як справи?*; *скількі врэмя?* вместо *котра година*; *конєшно* вместо *звичайно; щас/січас* вместо *зараз; щось я не пойму* вместо *не розумію; здєлав* вместо *зробив; кой-шо* вместо *щось* (Полтава); *Я його спросила, він мені отвітів* вместо *спитала, відповів* (Кременчуг); *підожди минуту* вместо *зачекай хвилину*; *він не оддав дєньгі* вместо *не віддав гроші* (Харьков), *да, нє* вместо *так, ні* (Киев) и т. п. Причем пропорции элементов, взятых из обоих языков, в этом субстрате разнятся и зависят от региона, степени образованности говорящего, а также социальных и других условий [14, с. 54].

Такое языковое явление, как суржик, не изучалось в советском языкознании, поскольку оно по своей сути противоречило общей теории «гармоничного двуязычия и благотворного влияния русского языка на украинский»; работы, посвященные ему, появляются лишь в 90-х гг. XX в. Данный языковой феномен сразу же получил официальное определение как деградированный, испорченный, зараженный язык, что, несомненно, наложило отпечаток на отношение к говорящему на нем и его восприятие в глазах образованной части украинского общества, представителей интеллигенции, людей с высокой степенью национального самосознания, а также украиноязычного населения Западной Украины [13, с. 17]. Одной из причин характеристики суржика как испорченного, деградированного, постыдного языка является сфера употребления, которую он обслуживает: зачастую это «фамильярная, фривольная, пренебрежительная и даже хамская манера городского общения в основном мещан, мелких торговцев, малообразованных слоев общества (ср., например, обращения к незнакомому собеседнику – *женшчына, мушчына* (здесь – фонетическая запись) вместо литературных *пані, пане*)» [17, с. 86].

Таким образом, формировавшаяся на протяжении двух столетий языковая ситуация фактического триязычия, или трехкодовости (русский язык – суржик – украинский язык), несомненно, нашла свое отражение и в украинской литературе [5, с. 25]. Иллюстративные примеры этого – классическая поэма родоначальника современной украинской литературы И. П. Котляревского (1769–1838, Полтава) «Энеида» (в ней впервые широко отразилось рассматриваемое языковое явление) и произведения таких украинских писателей, как Г. Ф. Квитка-Основьяненко (1778–1843, Харьковская губерния), А. П. Кулиша (1819–1897, Черниговская губерния), И. К. Карпенко-Карого (1845–1907, Херсонская губерния),

О. Вишни (1889–1956, Полтавская область), О. Ф. Черногуза (1936, Винницкая область) и других, где включение русского языка в речь украиноязычных героев является одним из авторских приемов создания литературных образов [1, с. 153].

В этом же ряду стоит украинский писатель, поэт, драматург, прозаик, театральный и культурный деятель М. П. Старицкий (1840–1904, Черкасская область). В продолжение вышеописанной языковой ситуации на Центральной Украине и для ее эмпирической иллюстрации проанализируем с лингвистической точки зрения наиболее характерные для суржика (в частности, его киевского варианта) факты русско-украинского или украинско-русского смешения на основных языковых уровнях, выбранные нами из прецедентного в этом смысле текста комедии «За двумя зайцами». Это произведение М. П. Старицкого, созданное в 1883 г. на украинском языке, содержит в себе вкрапления киевского суржика, благодаря чему представляет собой значительный интерес не только с художественной, но и с лингвистической стороны.

В пьесе изображаются два главных героя: Проня Сирко, дочь лавочника, стремящаяся во что бы то ни стало подняться вверх по социальной лестнице, и Свирид Голохвастый, промотавшийся цирюльник, ищущий богатую жену и более высокое положение в обществе, – оба с претензией на утонченность манер, выражающейся в попытках ввести в свою речь как можно больше маркеров престижа, т. е. элементов доминирующей русской культуры, переключить свой родной языковой код (украинский язык) на более престижный городской (русский язык), в результате чего получается, что они оба говорят на киевском суржике. Язык этих героев может послужить иллюстративным примером вышеупомянутого уникального феномена русско-украинской конвергенции, а также материалом для лингвистического описания и анализа данного языкового явления.

1. Фонетический уровень:

а) замещение *ф* в заимствованных словах звуком [х] или сочетанием звуков [хв] (фонетическое явление, характерное для центральноукраинских говоров), что отражается и на письме (здесь и далее приводятся примеры из пьесы М. П. Старицкого «За двумя зайцами» в их оригинальном написании, что часто не соответствует литературным нормам ни русского, ни украинского языков, поскольку автор использует фонетический принцип передачи на письме специфики некодифицированной формы существования разговорного языка своих героев): *аглицький хвисон, хранцюзька помада, хвамілія, хвизиномія, хворми нєту, ніякой делікатной хвантазії, охвицера*;

б) вставное *д* как признак киевского и шире – центральноукраинского просторечия (как общевосточнославянская фонетическая черта, ср. русское просторечие: *спинджак*): *Здасться, сй поидравился; Єй-богу, пельдзя*;

в) смешение русского звука [ы] и украинского звука переднего ряда верхнесреднего подъема [и] (фонетически среднего между русскими *ы* и *и*) с отображением данного явления на письме в украинском тексте: *Рекомендуйте мене, пожалуста, баршиням!, вот я би бив щасливий, первий кавалер; такії красиві мущини; ви мушчина, а я баршиня*;

г) характерное для украинской фонетики озвончение согласного перед сонорным или звонким согласным: *од любви*, *од вас*;

д) нарочитое аканье для подражания русскому языку с целью создания некоего эффекта использования иного, социально более высокого в мещанских кругах того времени языкового кода: *а как она, значить, при гавс*; *а в старий дом я буду свиней заганять*, включая лексико-фонетические языковые вставки, например, частотное употребление наречия *харашо* (укр. *хорошо*); при этом можно сделать предположение, что редукция

о и *а* в русскоязычных лексических вкраплениях под влиянием украинской фонетики отсутствует, поскольку в большинстве случаев М. П. Старицкий фонетически не отмечает на письме явление аканья. В этой связи следует отметить, что такого рода непоследовательная редукция гласных, встречающаяся в речи героев пьесы, – обычное явление среди носителей украинско-русского суржика [15, с. 284];

е) формы вопросительных местоимений, деформированные в суржике под влиянием русской фонетики: *Што ви хочете од мене?*;

ж) отвердение мягкого [р’] под влиянием украинской фонетики: *Што ви, я не куру! Я вже не говору, бруки*;

з) смягчение русского твердого [ц] под влиянием украинской фонетики: *Ах, обманщиця чортова.*

2. Морфологический уровень:

а) типичное для украинского языка явление стяжения окончаний в формах прилагательных или местоимений, которым в русском языке соответствуют полные формы: *Свинота необразованна!; про таку любов; хитра штука*;

б) употребление форм косвенных падежей личных местоимений, которые в большинстве своем не являются ни русскими, ни украинскими, а представляют собой нечто среднее между двумя языковыми нормами и русским просторечием: *Рекомендуйте мене; Мінє так солодке обридло!; Трохи чи я даже не улюбився у єйо*;

в) глагольные формы, которые обычно не являются литературными ни в украинском, ни в русском языках, а выполняют, скорее всего, функцию подражания более престижному по социальному статусу языковому коду, т. е. русскому, а, точнее, являются по своей сути заимствованиями из русского обиходно-разговорного языка или просторечия:

– мягкие формы окончания 3 лица единственного и множественного числа, характерные для киевского городского койне: *просто з голови не йдьоть; На руках носють; необразованна мужва коверкаєть; по хазяйству, певно, бігаєть?; і в думці немаєть; Меня таки вездє споминають*; *От як, дасть бог, на Проні женюсь; робочі ждуть; Каждая стоїть п'ять копеєк;*

– формы глаголов 2 лица множественного числа: *Да што ви понімаєтьо?;*

– формы императива: *Хадьомте у праходку* («на прогулку»)*;*

– формы прошедшего времени у русских лексем с украинским суффиксом *-в-*: *я й з дівицею ще не познакомився як слід; Не видержав, бо розгорівсь, як камфорка; бруки запачкав; я дожидав мамзелю* (лексическое вкрапление под влиянием украинского невозвратного глагола *я чекав*) или формы сослагательного наклонения: *я би бив щасливий; я би кожну мінуту одикав ваше серце і смотрєл би, не мився б, не помадився б, не пив, даже не курив би по три дні, та всьо б смотрєв би!*;

– употребление украинской формы инфинитива на *-ти* вместо *-ть* в русских лексических вставках: *подождати* (укр. *по-/за-чекати*);

г) морфологически застывшие словоформы из русского языка в частотно употребительных словах: *п'ять копеєк* (вместо *копійок*), а также многочисленные морфологические вкрапления из русского просторечия, не являющиеся нормативными формами в обоих языках: *сколько тисячов; по-благородньому говорить понімаю; не можу поправити своїх ділов; Я позову родителів зараз; охвицера* (Им. пад. мн. ч.).

3. Лексический уровень:

– формы слов *нєт/нєту* (и гибридный вариант *нім*) и *да* вместо литературных украинских *ні* и *так*;

– вставка русских слов в виде вводных и неполнозначных слов, а также слов-паразитов: *чесне слово; ще нєт, конєшно; можно сказать; От, возьмем, примєром, бруки, тут, понімаєте, делікатна матерія; впрочем, начхать; Не робіть, пожалуста, шкандалю!; Кожинного дня у нас вдома ласощов етих разних; Позвольте спитати*;

– использование (часто неуместное) штампов, клише, канцеляризмов и стилистически маркированных фигур речи из русского языка в украинском тексте для выражения эмоций: *Та ідіть, ідіть, кажу... от наказаніє!; Потому здєсь у меня (показує на серце) такоє смертєльноє воспалєніє завелось, што аж шипить* (семантический сдвиг)*!; Ви завтра приходьте до нас предложеніє дєлать; а ви і предложеніє зробите; Будьте ж щасливі в новій жизні!* Вставка слов-паразитов, клише, штампов и фразеологизмов из русского языка внутрь украинского текста вызвана не столько необходимостью заполнить лексическую нишу, сколько неосознанным стремлением говорящего повысить свой социальный статус (часто при отсутствии глубокого семантического наполнения, с целью придания фразе экспрессивного оттенка и смены языкового кода на субъективно или стереотипно более престижный [9, с. 420]): *Цигарка первий сорт!; А славні тут дівчатка-міщаночки, доложу вам!; Ну, до свіданья!; а плаття первоє дєло; Ніякого понятія нєту; Удивительне діло!; Приходьте ж завтра безпременно; Я її знать не знаю, вєдать не вєдаю!; А ти тікай, бо посадить – чиста напасть!; як раз плюнуть*;

– употребление русских слов категории состояния, что можно часто наблюдать и в современном украинском просторечии: *Тікать нужно* (вместо украинского литературного *треба*)*!; Нужно подождати*;

– украинско-русский тавтологический повтор, при котором один компонент представляет собой лексему из родного языка, а второй – повторяющийся – из другого языкового кода (т. е. русского литературного языка или русского просторечия): *А, хорошо, добре...; Да што, впрочем, про них? – годі, довольно!; Я чоловік не очень дуже посидящий; потому луснуть, пардон, трєснуть; Так только здайоться-кажеться, а потом дуже прекрасно; Да хіба я разві поганий?; Горю, палаю од щастя; хіба-развє я не любий тобі?; Чи развє нельзя, щоб скоріше весілля?*;

– фонетически искаженные употребления заимствований из европейских языков, часто в отрыве от их семантики, с целью придания вычурной «псевдопрестижности» своему языковому коду (*канахветка; водити з вами кумпанію; бонджур у вашу хату!; Я ще больше люблю пальцини, нанаси* (вместо *апельсины, ананасы*)*; Понімаєте ви, як свині у апальцинах!*), а также факты стилистического сдвига в силу отсутствия у данного социального слоя языкового чутья: *там у цилюрні уже посадив замість себе гарсона; при мєсяце такой шик!?*

Межъязыковая лексическая интерференция включает в себя:

а) лексико-семантические факты: *Як повидів я вас коло Владимира* (укр. *побачити* и русск. *увидеть*); как следствие, возникновение непонимания между носителями разных языковых кодов: *У нас сьогодні не прийомний день. – О? Що ж там скоїлось? У мене дуже приємний: усі яблука спродала!* (факт омонимии, где укр. *приємний* – ‘приятный’);

б) явление стирания исконного значения лексемы и ее абсолютной семантической выхолощенности, лексико-стилистической неуместности и некорректности употребления: *Я скоропостижно хочу женитися на їх; Брехня, брехня! Я вам не позволю публіковать меня!; міня знаєт увесь Київ чисто; Хіба в шинку тільки й п'ють? – Раз у раз у шинку, а в образованних домах тільки до обіду!; Нєт лі у кого иногда сірника?* (в значении: «нет ли у кого, случайно, спички?»).

Смешение двух близкородственных языков наблюдается в виде лексических вставок из русского языка в украинскую языковую основу (грамматика, служебные слова и неполнозначная украинская лексика) [8, с. 617]. В первую очередь это относится к словам с абстрактным значением, употребляемым в фонетически искаженном виде и лексически неуместно): *Та я не панич, а простий міщанин, – то тільки зверху на мені образованность!; необразованність одна!*; *Що ж це, впустили якусь самашедшу! – Я самашедша? Ти мене самашедшою зробив!; бо так приятно під дубом романа читати; Одне слово, не вашого розуму дєло!; То все ж таки можете хоч трошки модніще себе держати; Проня Прокоповна маєт скус!; Погано ділали, що так думали!; А лавка, а дєнєг по скринях!; Бо я їм усєм дєнєг позичаю; і вони согласні*;

4. Фразеологический уровень заслуживает особого внимания. Помимо вставок во фразеологическую модель русских слов мы часто видим авторское начало в создании устойчивой единицы: *Довгів* (вместо укр. *боргів*) *стільки як блох у курнику!* (авторский фразеологизм; букв. *долгов столько, как блох в курятнике*); *Моє серце розпалося, мов щипсі!* (авторский компаративный фразеологизм); *ласощов етих разних, хоч свиней годуй!* (авторский фразеологизм; букв. *хоть свиней корми*); *у міня з язика, как з колеса в млинє, так што-небудь і ляпне!* (семантическая нейтрализация глагола *ляпнуть*); *как вилиті* (калька русского устойчивого сравнения); *штоб про таку любов писалось, штоб як смола кипєла! – Да, штоб аж волос смалила!* (авторский фразеологизм и его обыгрывание); *дак так робиться у тебе унутрі, як у самоварі, аж гуде!* (повтор авторского сравнения для усиления интенсификации); *потому улюбльон, як окроп кипить* (авторское сравнение; букв. *как кипяток кипит*). Здесь же приведем факты лексико-стилистического сдвига и нейтрализации внутренней семантики фразеологизма: *ви просто така ціпонька, що аж слина котиться; а то у мене діла, аж пищать* (украинское просторечие и трансформированная семантика фразеологизированного интенсификатора)*; Я і понятія у цім нікоторого не імію* (фонетически украинизированный фразеологизм).

Итак, в основных чертах мы представили краткий обзор украинской языковой ситуации и в частности такого языкового явления, как суржик в его киевском варианте, который начал складываться еще в XVIII–XIX вв. и живет по сей день в речи жителей крупных украинских городов. В отношении самого явления киевского суржика и современного киевского русскоязычия вообще мы находим совершенно разные, порой диаметрально противоположные и во многом оценочные характеристики и определения: «пагубное влияние русского языка», «загрязненный язык», «изуродованный» и т. п. Вряд ли к ним стоит прибегать как к инструментам научного лингвистического описания широко распространенного на территории современной Украины феномена смешения двух близкородственных языков, который вплоть до настоящего времени является неоспоримой и априорной социолингвистической данностью, требующей дальнейшего скрупулезного научного изучения и анализа.

Резюме. Исторически и культурно обусловленная близость народов нередко оказывает свое (взаимо)влияние и на их национальные языки. Многовековое сосуществование русских и украинцев в рамках единой империи повлияло на национальное самосознание украинцев и украинский язык. Русский язык как главный официальный язык единого государства в значительной степени воздействовал и продолжает воздействовать как на отношение украинцев к своей национальной принадлежности, так и на чисто языковые

аспекты, среди которых – формирование особого языкового кода, именуемого в современной украинистике суржиком. Показательным здесь является возникшее койне крупных городов, в первую очередь столицы (Киева). Таким образом, можно говорить о многоязычии на территории Украины; при этом ни один из трех используемых в городской речи жителей Поднепровья языковых кодов (русский и украинский языки, а также суржик) по сути не является нормированным, а представляет собой в определенной степени субъязыковое образование, отличающееся от классической кодифицированной формы или ее литературного разговорного варианта. Подобное явление нашло свое отражение в речи героев произведений украинских писателей, что можно считать документальным свидетельством вышеприведенных фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Врублевська Г.* Суржик як мовна характеристика персонажа в сучасній українській мові // Волинь – Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. – № 9. – Житомир : В. Котвицький, 2002. – С. 153–162.

2. *Курохтина Т. Н.* Межъязыковая интерференция в условиях близкородственного украинско-русского двуязычия : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.03. – М., 2010. – 23 с.

3. *Масенко Л.* Мова і політика. – Київ : Сонящник, 1999. – 100 с.

4. *Масенко Л.* Мова і суспильство: Постколокніальний вимір. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2004. – 164 с.

5. *Масенко Л.* Суржик у сучасній художній літературі // Дивослово. – Київ : Дивослово, 2011. – № 4. – С. 25–30.

6. *Масенко Л., Залізняк Г.* Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдешній. – Київ : Києво-Могилянська академія, 2001. – 96 с.

7. *Нещименко Г. П.* Языковая ситуация в славянских странах: опыт описания. Анализ концепций. – М. : Наука, 2003. – 279 с.

8. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* «Здаравеньки булы!», или к вопросу о лексической трансплантации (русско-украинские параллели в национально-культурном дискурсе) // Материалы Международной научно-практической конференции. – М. ; Кострома : Эллипс, 2008. – С. 615–619.

9. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* Русский текст в украинском разговорном языке // Студії з філології та журналістики. – Ужгород : Гражда, 2016. – С. 420–424.

10. *Словник* української мови : в 11 т. Т. 9. – Київ : Наукова думка, 1978. – 875 с.

11. *Старицкий М. П.* За двома зайцями // Твори : у 8 т. Т. 2 : Драматичні твори. – Київ : Дніпро, 1964. – С. 361–436.

12. *Стріха М.* Суржик та літературна мова // Нариси української популярної культури. – Київ : Український центр культурних досліджень, 1998. – С. 637–640.

13. *Тараненко О. О.* Українська мова і сучасна мовна ситуація в Україні // Мовознавство. – Київ : Академія, 2001. – № 4. – С. 3–19.

14. *Труб В. М.* Явище «суржику» як форма просторіччя в ситуації двомовності // Мовознавство. – Київ : Академія, 2000. – № 1. – С. 47–58.

15. *Флайер М. С.* Суржик или суржики? // Исследования по лингвистике и семиотике : сборник статей. – М., 2010. – С. 281–295.

16. *Хашимов Р. И.* Интерференция и ее единицы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2003. – № 4(38). – С. 86–92.

17. *Хмелевский М. С.* «Языковой портрет» современной Украины – социолингвистический аспект // Komunikacja specjalistyczna. № 13. – Warszawa : Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej WLS UW, 2017. – S. 79–105.

18. *Хмелевский М. С., Урсуленко А. В.* Современная украинская языковая ситуация (коммуникативный аспект) // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reiche. Band 17. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2009. – S. 217–230.

UDC 811.161.2'24 + 811.161.1'24

I. V. Kuznetsova[1], A. V. Savchenko[2], M. S. Khmelevsky[3]

KYIV SURZHYK AS PHENOMENON OF UKRAINIAN CITY COLLOQUIAL SPEECH (AS EXEMPLIFIED BY M. P. STARITSKY COMEDY «CHASING TWO RABBITS»)

[1]*I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia*

[2]*National Chengchi University, Taipei, Republic of China*

[3]*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia*

Abstract. The article analyzes *Surzhyk* (in its Kyiv variant) is as a unique phenomenon which is characteristic for the Ukrainian language situation and has a lasting history. The authors pay particular attention to the consideration and linguistic description of the most characteristic features of *Surzhyk, basing on a* brief review of the coexistence of different language codes in Central and South-East Ukraine. To analyze this phenomenon the authors employed the comedy «Chasing two rabbits» (which is precedent for the Ukrainian and Russian culture) by the Ukrainian writer M. P. Staritsky where the characters' speech abounds in the examples of the Russian-Ukrainian language mix. The article also considers the problems of interlingual convergence of the closely-related languages and the influence of one language on the other in terms of phonetics, morphology, lexicology and stylistics. This is conditioned not only by some linguistic reasons but also by extra linguistic (mostly by the status and prestige value of one or another language code).

Keywords: *Ukrainian, Russian, Surzhyk, Russian-Ukrainian bilingualism, language code, language interference, interslavonic homonymy.*

REFERENCES

1. *Vrublevs'ka G.* Surzhik yak movna xarakteristika personazha v suchasnij ukraïns'kij movi // Volin' – Zhitomirshhina. Istoriko-filologichnij zbirnik z regional'nix problem. – № 9. – Zhitomir : V. Kotvic'kij, 2002. – S. 153–162.

2. *Kuroxtina T. N.* Mezh"yazykovaya interferenciya v usloviyax blizkorodstvennogo ukrainsko-russkogo dvuyazychiya : avtoref. dis. … kand. filol. nauk : 10.02.03. – M., 2010. – 23 s.

© Kuznetsova I. V., Savchenko A. V., Khmelevsky M. S., 2018

Kuznetsova, Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogics and Methods of Primary Education, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia; e-mail: irinak47@yandex.ru

Savchenko, Aleksandr Viktorovich – Candidate of Philology, Exchange Associate Professor of the Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University, Taipei, Republic of China; e-mail: savchenko75@mail.ru

Khmelevsky, Mikhail Sergeevich – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Slavic Philology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru

The article was contributed on February 22, 2018

3. *Masenko L.* Mova i politika. – Kiïv : Sonyashhnik, 1999. – 100 s.

4. *Masenko L.* Mova i suspil'stvo: Postkoloknial'nij vimir. – Kiïv : Kiєvo-Mogilyans'ka akademiya, 2004. – 164 s.

5. *Masenko L.* Surzhik u suchasnij xudozhnij literaturi // Divoslovo. – Kiïv : Divoslovo, 2011. – № 4. – S. 25–30.

6. *Masenko L., Zaliznyak G.* Movna situaciya Kiєva: den' s'ogodnishnij ta prijdeshnij. – Kiïv : Kiєvo-Mogilyans'ka akademiya, 2001. – 96 s.

7. *Neshhimenko G. P.* Yazykovaya situaciya v slavyanskix stranax: opyt opisaniya. Analiz koncepcij. – M. : Nauka, 2003. – 279 s.

8. *Savchenko A. V., Xmelevskij M. S.* «Zdaraven'ki buly!», ili k voprosu o leksicheskoj transplantacii (russko-ukrainskie paralleli v nacional'no-kul'turnom diskurse) // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – M. ; Kostroma : E'llips, 2008. – S. 615–619.

9. *Savchenko A. V., Xmelevskij M. S.* Russkij tekst v ukrainskom razgovornom yazyke // Studiï z filologiï ta zhurnalistiki. – Uzhgorod : Grazhda, 2016. – S. 420–424.

10. *Slovnik* ukraïns'koï movi : v 11 t. T. 9. – Kiïv : Naukova dumka, 1978. – 875 s.

11. *Starickij* M. P. Za dvoma zajcyami // Tvori : u 8 t. T. 2 : Dramatichni tvori. – Kiïv : Dnipro, 1964. – S. 361–436.

12. *Strixa M.* Surzhik ta literaturna mova // Narisi ukraïns'koï populyarnoï kul'turi. – Kiïv : Ukraïns'kij centr kul'turnix doslidzhen', 1998. – S. 637–640.

13. *Taranenko O. O.* Ukraïns'ka mova i suchasna movna situaciya v Ukraïni // Movoznavstvo. – Kiïv : Akademiya, 2001. – № 4. – S. 3–19.

14. *Trub V. M.* Yavishhe «surzhiku» yak forma prostorichchya v situaciï dvomovnosti // Movoznavstvo. – Kiïv : Akademiya, 2000. – № 1. – S. 47–58.

15. *Flajer M. S.* Surzhik ili surzhiki? // Issledovaniya po lingvistike i semiotike : sbornik statej. – M., 2010. – S. 281–295.

16. *Xashimov R. I.* Interferenciya i ee edinicy // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2003. – № 4(38). – S. 86–92.

17. *Xmelevskij M. S.* «Yazykovoj portret» sovremennoj Ukrainy – sociolingvisticheskij aspekt // Komunikacja specjalistyczna. № 13. – Warszawa : Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej WLS UW, 2017. – S. 79–105.

18. *Xmelevskij M. S., Ursulenko A. V.* Sovremennaya ukrainskaya yazykovaya situaciya (kommunikativnyj aspekt) // Heidelberger Publikationen zur Slavistik. Linguistische Reiche. Band 17. – Frankfurt am Main : Peter Lang GmbH, 2009. – S. 217–230.